

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

Дата поступления: 24.05.2023
рецензирования: 26.06.2023
принятия: 25.08.2023

Словообразовательные особенности лексики высокого стиля в лирике И.А. Бродского и А.А. Тарковского

Л.Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

Т.В. Дмитриева

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Аннотация: В статье рассматриваются словообразовательные особенности лексики высокого стиля на материале поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского. Показаны преемственность поэтического языка И.А. Бродского и А.А. Тарковского с наследием А.С. Пушкина и связь лексических ресурсов, используемых этими поэтами, с корпусом славянизмов в русском литературном языке. Прослеживается продуктивность книжного словообразовательного типа отыменных и отадективных имен со значением отвлеченного признака с суффиксами *-ость/- есть, -ство/-ество*, лексических апофатизмов, образованных приставочно-суффиксальным способом с приставками *без-* и *не-*; продуктивность отглагольных существительных книжно-поэтического характера с суффиксами *-ениј/-ниј-*, отглагольных производных имен существительных с суффиксом *-тель*; активное использование поэтами причастных форм. Сделан вывод об общности в репрезентации стилевого синтеза И.А. Бродским и А.А. Тарковским. Наряду с широко представленной книжной лексикой в их поэзии находит отражение общеупотребительная и экспрессивная лексика разговорного стиля. Стилевой синтез свидетельствует о синкретизме авторского восприятия действительности: субъективный опыт сочетается с коллективным, ценностным началом.

Ключевые слова: словообразовательный тип; регулярные дериваты; высокий стиль; славянизмы; разговорный стиль.

Цитирование. Карпенко Л.Б., Дмитриева Т.В. Словообразовательные особенности лексики высокого стиля в лирике И.А. Бродского и А.А. Тарковского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 114–120. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-114-120>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Л.Б., Дмитриева Т.В., 2023

Людмила Борисовна Карпенко – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Валерьевна Дмитриева – преподаватель кафедры факультета среднего профессионального и предпрофессионального образования, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.05.2023
Revised: 26.06.2023
Accepted: 25.08.2023

Derivational peculiarities of the high style vocabulary in the lyrics of I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky

L.B. Karpenko

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

T.V. Dmitrieva

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
E-mail: tukmakovatatyana@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-1588>

Abstract: The article is devoted to the word-formation features of high style vocabulary on the material of I.A. Brodsky's and A.A. Tarkovsky poetry. The author shows the continuity of the poetic language of Brodsky and Tarkovsky with the heritage of Pushkin, and links lexical resources used by these poets with the corpus of Slavic words in the Russian literary language. The productivity of book word-formation type of nominative and objectifical names with abstract feature with suffixes *-ость/- есть, -ство/-ество*, lexical apophathisms, formed by prefix-suffixal method with prefixes *без-* and

не-; the productivity of book-poetic verbal nouns with suffixes --ениу/-ниу-, verbal derivatives of nouns with the suffix -тель; poets' active use of participial forms. The conclusion is made about the commonality in the representation of stylistic synthesis by I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky. Along with the widely represented book vocabulary, their poetry reflects common and expressive vocabulary of colloquial style. Style synthesis testifies to the syncretism of the author's perception of reality: subjective experience is combined with collective, value beginning.

Key words: word-formation type; regular derivatives; high style; Church Slavonicisms; colloquial style.

Citation. Karpenko L.B., Dmitrieva T.V. Derivational peculiarities of the high style vocabulary in the lyrics of I.A. Brodsky and A.A. Tarkovsky. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 114–120. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-114-120>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Karpenko L.B., Dmitrieva T.V., 2023

Ludmila B. Karpenko – Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Tatiana V. Dmitrieva – lecturer at the Department of the Faculty of Secondary Vocational and Pre-Vocational Education, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Лирика двух выдающихся мастеров поэтического слова XX века – И.А. Бродского и А.А. Тарковского – это высокая поэзия «далних городов» и «пасхального звона». Разные в своих судьбах, А.А. Тарковский, прошедший сквозь войну, защищая Советский Союз, и И.А. Бродский, покинувший его и ставший двуязычным автором и представителем двух культур, были в главном близки по мироощущению – по отношению к России, русскому языку, жизни и творчеству. Для Арсения Тарковского: «Россия – дом, земля и мать!» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 114). И И.А. Бродский писал издав: «независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным... Россия – это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу. И – главное – ее языку» (Бродский 2003, с. 63). В творчестве этих двух великих российских поэтов XX столетия высокие смыслы о безграничности и вечности мира и мимолетности человеческой жизни нашли выражение в высоком слове русского языка. Они выражены в близких для философских стихов образах жизни, света, смерти и прорастания в новую жизнь. Например, в стихотворении «Дума» А.А. Тарковского: «Все на земле живет порукой круговой, / И если за меня покоя веков боролась / Листва древесная – / я должен стать листвою, / И каждому зерну подать я должен голос. / Созвездье, и земля, и человек, и птица. / А кто служил добру, летит вниз головой / В их омут царственный / и смерти не боится (Тарковский 1991, т. 1, с. 366). И тот же мотив прорастания у И.А. Бродского: «Как легко нам дышать, / оттого, что, подобно растению, / в чьей-то жизни чуждой / мы становимся светом и тенью / или больше того – / оттого, что мы все теряем, / отбегая навек, мы становимся смертью и раем» (Бродский 2020, с. 14).

Оба поэта были духовными и творческими наследниками Анны Ахматовой, восприняли ее творческий принцип, открывающий магию стихов, «растущих из сора», и работали со словесным материалом, используя все возможные выразительные средства русского языка. И.А. Бродский в

Нобелевской лекции признается: «Стихи, по слову Ахматовой, действительно растут из сора; корни прозы не более благородны» (Бродский 2001, с. 6).

Разная в жанровом отношении, поэзия двух авторов имеет много общего, главное – это синкретичный стиль языка. Цель данной статьи – показать особенности словообразования лексики высокого стиля в поэзии А.А. Тарковского и И.А. Бродского. Для достижения данной цели из поэтических произведений двух авторов были извлечены и сопоставлены регулярные словообразовательные дериваты, репрезентирующие особенности высокого стиля в поэзии И. Бродского будет показано на примере стихов разных циклов семитомного собрания сочинений 2001–2003 гг., в том числе его ранней поэмы «Шествие». Особенности лексики высокого стиля в поэзии А.А. Тарковского рассматриваются на примере стихов трехтомного собрания сочинений 1991 г.

Актуальность исследования продиктована возросшим интересом лингвистов к стилистическим возможностям словообразования и их реализации в разных сферах, в частности в рамках поэтического высказывания.

Ресурсы высокого стиля в поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского

Понятие о высоком стиле

Высокое назначение классической русской поэзии, состоящее в гармонизации духовной жизни человека, всегда отвечало идеалам христианства. Преемственно от первого славянского поэтического слова «Азбучной молитвы» святого Кирилла, от древнерусского «Слова о полку Игореве» до поэтического наследия XVIII, XIX и XX веков русская поэзия в своих основных произведениях – это словесность высоких смыслов, требующих средств высокого стиля. На протяжении всего исторического пути русского литературного языка (XI–XX вв.) основным ресурсом высокого стиля (высокого регистра) служила и продолжает сегодня служить лексика славянская, восходящая к евангельской традиции, которая воспринималась восточными славянами как наследие традиции [Лихачев 2000, с. 729–730]. Отвлеченная лексика

старославянского происхождения или образованная по моделям старославянского словообразования составляет основу христианской книжности и в связи с этим имеет определяющее значение для формирования современного русского литературного языка [Карпенко 2016].

М.В. Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» показал, что высокий стиль русской литературной речи находится в прямой связи со славянизмами (Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке [Ломоносов 1959, т. 1, с. 5–6]. В закреплении славянизмов в русском литературном языке сыграли свою роль классики русской литературы. Как выразительное средство высокого стиля славянизмы используются в одах самого М.В. Ломоносова (*В пещеру скрыл свирепство зверь / Небесная отверзлась дверь, / Над войском облак вдруг развился, / Блеснул горящим вдруг лицем...* – Ода на память Анны Иоанновны на взятие Хотина 1739 г. [Ломоносов 1959, с. 21–22]).

М.В. Ломоносов и другие предшественники А.С. Пушкина – Г.К. Державин, В.Г. Тепляков, В.А. Жуковский – использовали славянизмы целенаправленно в текстах торжественного слога. Задача гармоничного соединения лексики высокого стиля с общенародной лексикой была решена в творчестве А.С. Пушкина. Ему, глубоко чувствовавшему связь русского языка с церковнославянским, принадлежит ведущая роль в насыщении литературного языка славянизмами, поэтому академик В.В. Виноградов и показал его роль как родоначальника современного русского литературного языка. А.С. Пушкин заботился о единстве славяно-русского языка, в 1825 году он писал: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива» (Пушкин 1998, т. 7). А.С. Пушкин использует славянизмы как средства выражения высоких эмоций, для него церковнославянская лексика обладает высоким значением. Не только стихи, насыщенные библейской символикой, такие как «Пророк», но и светский роман «Евгений Онегин», начиная от предисловия, наполняется славянизмами разных грамматических разрядов, передающих духовную заряженность и высокую экспрессивность. В языке А.С. Пушкина славянизмы нередко образуют цельные по смыслу словосочетания и выражения: *благословить судьбу, внимлите мой печальный глас, во дни веселий и желаний, день грядущий, златые дни, жертва заблуждений, младое вдохновенье, молодые дни, на жизненных браздах, предупредить восход, судьба хранила, судьбы закон, таить надежду* и т. д. А.С. Пушкиным, а затем и его последователями – М.Ю. Лермонтовым, Е.А. Баратынским, Ф.И. Тютчевым, И.Ф. Анненским – славянизмы были закреплены за высоким стилем для выражения ценностных смыслов.

Особенности использования деривационных моделей в поэзии И. Бродского

Заметной особенностью поэтического языка И.А. Бродского является очевидное доминирование субстантивов. Имена существительные в целом явно преобладают над глагольной лексикой в его поэтических произведениях, в среднем имена существительные используются И.А. Бродским в 37 % от всех словоупотреблений в тексте, а в отдельных фрагментах поэтического текста этот показатель приближается к 60 %, как, например, в начальных строфах стихотворения «24 декабря 1971 года»:

В Рождество все немного волхвы.
 В продовольственных слякоть и давка.
 Из-за банки кофейной халвы
 Производит осаду прилавка
 грудой свертков навьюченный люд:
 каждый сам себе царь и верблюд.
 Сетки, сумки, авоськи, кульки.
 шапки, галстуки, сбитые набок.
 Запах водки, хвои и трески.
 мандаринов, корицы и яблок.
 Хаос лиц, и не видно тропы
 В Вифлеем из-за снежной крупы.
 (Бродский 2020, с. 208)

Здесь на 55 слов текста употреблено 31 имя существительное, что составляет 56,36 % от всех словоупотреблений, и лишь один глагол и два причастия. Подчеркнутое активное использование субстантивов как имен предметов окружающего мира характерно для всего творчества И.А. Бродского. Субстантивная лексика позволяет поэту очертить, рассмотреть и критически оценить мир, показать ничтожность вещного мира и привязанность к нему людей, как в романсе Дон Кихота из поэмы «Шествие»:

Копье мое, копье мое, копье,
 оружие, имущество мое,
 могущество мое таится в нем,
 я странствую по-прежнему с копьем,
 как хорошо сегодня нам вдвоем.
 (Бродский 2001, с. 87)

Другой лексико-словообразовательной особенностью лирики И.А. Бродского считаем насыщение ее славянизмами. В этом отношении его стиль сближается с языком А.С. Пушкина. И.А. Бродский, особенно в молодые годы, всемерно демонстрировал свою связь с Пушкиным. Литературоведами отмечено, что подчеркнуто «пушкинский текст» он создает в одном из своих ранних произведений – поэме «Шествие» (Гордин 1993, с. 6).

Читатель мой, сентябрь миновал,
 И я все больше чувствую провал
 Меж временем, что движется бегом,
 Меж временем – и собственным стихом...
 (Бродский 2001, с. 101)

В осенние недели в октябре –...
 Люблю тебя, рассветная пора,

И облаков стремительную рваность
 Над непокрытой влажной головой,
 И молчаливость окон над Невой,
 Где все вода вдоль набережных мчится
 И вновь не происходит ничего,
 И далеко, мне кажется, вершится
 Мой Страшный суд, суд сердца моего.
 (Бродский 2001, с. 119)

Здесь есть много общего и в переданном настроении (доверительная интонация в разговоре с читателем, напряженное осмысление нравственного пути, переживание быстротечности времени и любование осенью), и в языке тоже. К часто употребительным словам в лирике И.А. Бродского относятся и первообразные непроемные славянизмы типа *время, душа, истина, крест, любовь, мрак*, но в словообразовательном плане интерес представляет производная лексика. В этом отношении отмечаем широкое использование производных лексем самых разных старославянских способов словообразования и моделей. Если иметь в виду поэму «Шествие», весьма показательное использование в ней древнего славянизма *шествие* с суффиксом *-ствиј-* в названии поэмы. Уже в языке старославянских памятников лексема гнезда *-шьствие* связаны с семантикой божественного или нравственного пути перехода в область божественного духа. Мотив осмысления нравственного начала жизненного пути разными персонажами поэмы связан с лексемой *шествие* и в поэме И.А. Бродского.

Продуктивны отглагольные существительные книжно-поэтического характера с суффиксом *-ниј-*: *дыхание, забывание, пение, повествование, прощание, расставание, страдание, сострадание*; с суффиксом *-ениј-* *возвращение, волнение, искушение, озарение*; с суффиксом *-тиј-*: *занятие, зачатие*.

Широко употребительны в лирике И.А. Бродского отыменные и отглагольные производные существительные с суффиксами *-ств/-еств-*: *бегство, богатство, воровство, детство, довольство, имуществво, могущество, мужество, отечество, пространство, рабство, равенство, родство, рождество, соседство, средство, убийство, чувство* и др.

В корпусе имен существительных И.А. Бродского также прослеживается тенденция продуктивности книжного словообразовательного типа с мотивирующей основой именем прилагательным со значением отвлеченного признака: *бренность, вечность, выпуклость, гладкость, искренность, медлительность, молчаливость, новость, одиночество, радость, рваность, старость, торопливость, усталость, честность* и др.

И.А. Бродский активно использует и т. н. апофатизмы, также являющиеся наследием славянской книжной традиции, среди них отадъективные производные с суффиксом *-ость*, образованные от приставочных имен прилагательных с префик-

сами не- и без-: *небрежность, недоверчивость, нежданность, неподвижность, непорочность, неспешность, безнадежность*. Другую модель апофатических имен представляют отсубстантивные производные, образованные способом конфикации – добавлением к производящей именной основе конфика без- ...-иј-: *безмолвие, бессмертие*. В содержательном отношении они характеризуются общим семантическим признаком «отсутствия того, что названо производящей основой». Названные языковые единицы способствуют передаче метафизических размышлений автора. Например: «*Бессмертия у смерти не прошу. // Испуганный, возлюбленный и нищий, – // но с каждым днем я прожитым дышу // уверенней и сладостней и чище...*» (Бродский 2020, с. 60). Частотность подобных дериватов обусловлена философской направленностью лирики И.А. Бродского. Названные лексеммы оттеняют глубину философских размышлений поэта, создают нужный в контексте контраст, придают тексту торжественность.

Менее характерны для поэтического языка И.А. Бродского, чем рассмотренные выше, именные образования иных моделей: существительные с суффиксом *-от-*: *дурнота, пестрота, правота, пустота, темнота*; существительные с суффиксом *-тель-*: *завоеватель, любитель, приятель, читатель* (по данной модели образованы и некоторые окказионализмы: *завыватель, забыватель*); прилагательные с суффиксом *-тельный*: *желательный, нежелательный* и др.

В стихотворениях И.А. Бродского наблюдается высокая активность и таких книжных форм славянского происхождения, как причастия. Распространены действительные причастия настоящего времени – *нарастающий, настагающих, уходящий* и т. д. Действительные причастия прошедшего времени – *возникавший, изучавший, поредевший, промелькнувший, смешавшийся, схвативший, упавший*. Активно употребляются страдательные причастия прошедшего времени – *заржавленный, затерянный, испуганный, неузнанный, оставленный, разединенный* и др., менее употребительны страдательные причастия настоящего времени.

Однако одними славянизмами, естественно, не исчерпывается лексика И.А. Бродского. Во многом, очевидно, благодаря следованию ахматовскому эстетическому принципу, особенностью его поэтического стиля является творческая раскрепощенность, свобода живущего в стихах мира и свобода языка. У И.А. Бродского эстетически сочетаются: *окно, разрезанное море, в кустах аэроплан, тупфли, устрицы, о камень порванный чулок и... кто-то бродит в темноте по пляжу*. Яркий стилистический ресурс в его стихах – разговорные и просторечные оценочные лексеммы: «*Говоришь, что все наместники – ворюги?*» (Бродский 2020, с. 213). Или: «*Поодаль // два скованных между собой раба, // собравшиеся, видно, искупаться, // смеясь друг другу помогают снять // своетряпье*» (Бродский 2020, с. 190). Отглагольные агентивы

встречаются со стилистически нейтральными суффиксами -ец/-лец/-снец-: *пловец, певец, мертвец, иностранец*. Употребительны и сниженные агентивы, которые в контексте сочетаются с нейтральными лексемами и выполняют оценочную функцию. Например: «*Ты и сам сирота, // отщепенец, стервец, вне закона*» (Бродский 2020, с. 40).

Так, следуя ахматовскому принципу, поэт активно использует словообразовательные средства разговорной речи для усиления оценочности текста. Но стиль его неоднозначен и неприземлен. Оттененная лексикой сниженного стиля, которую поэт черпает из народной речи, сленга, жаргона, в его стихах мощно звучит слово высокого регистра. О стиле И.А. Бродского очень точно литературовед Я. Гордин написал: «...в очередной раз в русской культуре, в русском языке поэт очень многое соединил. Просто он осуществил тот же принцип, которым пользовались и Пушкин, и Пастернак, – введение новых пластов на новом уровне» [Гордин 1990, с. 215; Гордин 1993].

Свободная и открытая ресурсным возможностям русского языка лирика И.А. Бродского ориентирована на создание живых, достоверных образов, а потому на поиск новых возможностей. В его стихах высокая лексика используется как средство создания философской глубины текста, стилистических эффектов эстетизации, торжественности, символичности.

Особенности использования деривационных моделей в поэзии А.А. Тарковского

При определенном сходстве стилей, общей устремленности к лирике философского склада, в поэтических мирах рассматриваемых авторов есть и определенные черты своеобразия, которые непосредственно отражаются в языке каждого поэта, в частности на лексико-словообразовательном уровне. Если лирический герой И.А. Бродского живет в сотворенном мире, наделенном именами, то герой А.А. Тарковского еще творит свой мир, он еще «плетет корзину» и говорит в стихотворении «Когда вступают в спор природа и словарь...»: «Но миру своему я не дарил имен...» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 286). Отсюда пространство стихов А.А. Тарковского менее предметно, оно более процессуально, наполнено снами, тенями, реминисценциями, символическими фигурами; мир в его стихах не имеет окончательной завершенности, оформленности. Показательно в этом смысле начало стихотворения «И это снилось мне, и это снится мне...»:

И это снилось мне, и это снится мне,
 И это мне еще когда-нибудь приснится,
 И повторится все, и все довыплотится.
 И вам приснится все, что видел я во сне...
 (Тарковский, 1991, т. 1, с. 324)

Здесь в первой строфе не употреблено ни одно имя существительное, а в целом существительные в этом стихе составляют 28,97 % от всех словоупотреблений. В стихах А.А. Тарковского преоб-

ладает не субстантивная лексика, а глагольная. В его поэмах «Чудо со щеглом» (Тарковский 1991, т. 2, с. 12–24) и «Слепой» (Тарковский 1991, т. 2, с. 7–11) среди 1948 слов существительных употреблено 614, т. е. 31,52 %, а глаголов – 725, т. е. 37,22 %.

В корпусе имен существительных А.А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наблюдается продуктивность отглагольных дериватов книжного характера, отражающих модели славянизмов (*воздаяние, воспоминание, дыхание, изгнание, объяснение, озарение, оцепенение, предсказание, прощание, пылание, сияние, трепетание, уединение, упование*); использование абстрактных существительных с суффиксом -ость (*близость, верность, возможность, милость, старость* и под.), которые характеризуются принадлежностью к высокому стилю, реже они стилистически нейтральны или разговорного характера (*грубость, малость*). Продуктивностью характеризуются славянизмы с суффиксом -ств/-еств: *блаженство, божество, государство, детство, младенчество, наследство, одиночество, пиршество, постоянство, пространство, родство, торжество, убранство, упрощение, юношество* и под.

Отмечены также производные существительные и глаголы, образованные сложением основ (*боготворить, благословить, самосожжение, небосвод, мироздание*).

У А.А.Тарковского есть свои излюбленные модели, так, весьма часто он использует менее характерные для поэзии И.А. Бродского отадъективные отвлеченные существительные, образованные с суффиксом -ота: *высота, глухота, нагота, немота, правота, пустота, слепота, темнота, теснота, чернота*:

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
 Пригубить **немоту** и **глухоту**...
 Я плоть от вашей плоти, **высота**...

(Тарковский, 1991, т. 1, с. 82)

В составе глагольной лексики в лирике А.А.Тарковского заметно использование производных, образованных по древнеславянским моделям с использованием префиксов воз-, из-, пре-, пред-: *возвести, воздать, воззвать, воскликнуть, возлагать, восходить, восстановить; изречь; превозмочь, перевозносить, превращать, прельщать, пренебречь, преобразить; предвещать, предпочесть, предсказать, предстать* и под.

Подобно корпусу дериватов лирики И.А. Бродского у А.А. Тарковского наблюдаем продуктивность книжных глагольных форм – причастий действительного и страдательного залога настоящего времени, страдательных причастий прошедшего времени (*ниспадающий, гонимый, заплаканный, возвращенный, окрыленная, отнятая*).

В палитре выразительных средств А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наряду с пастьельными славянизмами *благословение, благословенный свет, желанья, млечный пар, надежда,*

спасенье и под., играют пестрыми красками просторечные и разговорные слова: *бельма, буркалы, зенки, житьишко, неряха, подземка*. Элементы разных стилей могут сочетаться в пределах одного контекста с целью обозначить своеобразие восприятия лирического субъекта: «*Когда б на роду мне написано было // Лежать в колыбели богов, // Меня бы небесная мамка вспоила // Святым молоком облаков*» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 70). Или с целью подчеркнуть особенности номинации образа, который строится на антонимии земного и небесного: «*Привкус меди, смерти, тлена // У него на языке, // Будто царь царей из плена // К небесам воззвал в тоске. // На полу лежит в теплушке // Без подушки, без пальто // Побирюшка без полушки, // Странник, беженец, никто*» (Тарковский, 1991, т. 1, с. 123).

Доминирование элементов высокого стиля в лирике А.А. Тарковского объясняется философской направленностью его поэзии, поиском своего места, желанием обрести точку опоры. Преобладание глагольной лексики подтверждает мысль о незавершенности мира лирического субъекта, его стремлением расти в духовном плане и обрести истину.

Заключение

В статье в обобщенной форме прослежены словообразовательные ресурсы лирики И.А. Бродского и А.А. Тарковского. Установлено, что регулярные дериваты демонстрируют общность в репрезентации стилевого синтеза. Вместе с этим наблюдаются и заметные различия в использовании лексико-словообразовательных средств. Заметной особенностью поэтического языка И.А. Бродского является очевидное доминирование субстантивов. Имена существительные в целом явно преобладают над глагольной лексикой в его поэтических произведениях. Широко представлены в его лирике производные имена существительные, восходящие к старославянским образцам или образованные по старославянским моделям. Такими древними образованиями являются отглагольные существительные с суффиксом *-ниј-*: *дыхание, пение, страдание*; с суффиксом *-ениј-*: *возвращение, волнение, искушение*; с суффиксом *-тиј-*: *зачатие*; отыменные и отглагольные производные существительные с

суффиксами *-ств/-еств-*: *мужество, отечество, пространство, родство, рождество, убийство, чувство* и др.; отадъективных производных с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака: *радость, старость* и др. И.А. Бродский активно использует и т. н. апофатизмы, также являющиеся наследием славянской книжной традиции, среди них отадъективные производные с суффиксом *-ость*, образованные от приставочных имен прилагательных с префиксами *не-* и *без-*: *небрежность, недоверчивость, нежданность, неподвижность, непорочность, неспешность; безнадежность*.

В стихах А.А. Тарковского преобладает не субстантивная лексика, а глагольная. В составе глагольной лексики в лирике А.А. Тарковского заметно использование производных, образованных по древнеславянским моделям с использованием префиксов *воз-, из-, пре-, пред-*: *возвести, воздать, воззвать, воскликнуть, возлагать, восходить, восстановить; изречь; превозмочь, превозносить, превращать, прельщать, пренебречь, преобразить; предвещать, предпочесть, предсказать, предстать* и под.

Высокая продуктивность причастий в поэтических текстах А.А. Тарковского также объясняется тяготением к использованию книжной лексики высокого регистра.

В корпусе имен существительных у А.А. Тарковского так же, как у И.А. Бродского, наблюдается продуктивность отглагольных дериватов книжного характера, отражающих модели славянизмов с суффиксом *-ниј/-ениј*, с суффиксом *-ость*. Продуктивностью характеризуются славянизмы с суффиксом *-ство/-еств-*: *блаженство, божество, государство, детство, младенчество, пространство, родство, торжество, юношество* и под. Для лирики А.А. Тарковского характерно использование отадъективных отвлеченных существительных с суффиксом *-ота*: *высота, глухота, нагота, немота, правота, пустота, слепота, темнота, теснота, чернота*. Характеризующаяся спецификой отбора языковых средств, поэзия И.А. Бродского и А.А. Тарковского имеет много общего, главное – это синкретичный стиль языка, для которого характерно активное использование лексики высокого регистра.

Материалы исследования

Бродский 2001 – *Бродский И.А.* Собрание сочинений Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001. 304 с. URL: <https://www.rulit.me/series/sochineniya-iosifa-brodskogo-v-7-tomah/1-sochineniya-iosifa-brodskogo-v-7-tomah-t-1-download-350421.html>.

Бродский 2003 – *Бродский И.А.* Собрание сочинений Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 7. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2003. 342 с. URL: https://vk.com/wall-29094228_51129?ysclid=llnahd9m66921151085.

Бродский 2020 – *Бродский И.А.* Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2020. 880 с. URL: https://vk.com/wall-74939051_74?ysclid=lloowu9gpb972682972.

Пушкин 1998 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Москва, 1998.

Тарковский 1991 – *Тарковский А.А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. Москва: Худож. лит., 1991. 462 с. URL: http://imwerden.de/pdf/tarkovsky_sobranie_sochineny_tom1_1991_text.pdf?ysclid=llor6w8ebz270642479.

Тарковский 1991 – *Тарковский А.А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. Москва: Худож. лит., 1991. 272 с. URL: http://imwerden.de/pdf/tarkovsky_sobranie_sochineny_tom2_1991_text.pdf?ysclid=llorbarwdu122183555.

Библиографический список

Гордин 1993 – *Гордин Я.* Странник // Иосиф Бродский. Избранное. Москва; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 5–18. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_linguistic/gordin/0/j23.html?ysclid=llor5t6g5f942293136.

Гордин 1990 – *Гордин Я.* Другой Бродский // Иосиф Бродский. Размером подлинника / сост. Г.Ф. Комаров. Ленинград; Таллинн, 1990. С. 215–222.

Карпенко 2016 – *Карпенко Л.Б.* Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 224–229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-knizhnoy-traditsii/viewer>.

Лихачев 2000 – *Лихачев Д.С.* Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. Москва: Изд-во Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 725–731. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/obrash_k_svoey_ant.pdf.

Ломоносов 1959 – *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1959. 1288 с. URL: <https://djvu.online/file/coMRBK5nz32jG?ysclid=llorqzil2u53550066>.

References

Gordin 1993 – *Gordin Ya.* (1993) Wanderer. In: *Iosif Brodsky. Selected writings*. Moscow; Paris; New York: Tret'ya volna, pp. 5–18. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/sci_linguistic/gordin/0/j23.html?ysclid=llor5t6g5f942293136. (In Russ.)

Gordin 1990 – *Gordin Ya.* (1990) Another Brodsky. In: *Iosif Brodsky. The size of the original*. Compiler Komarov G.F. Leningrad; Tallinn, pp. 215–222. (In Russ.)

Karpenko 2016 – *Karpenko L.B.* (2016) Church slavonicisms in the Russian language as a reflection of book tradition. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 1, pp. 224–229. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanizmy-v-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-knizhnoy-traditsii/viewer>. (In Russ.)

Likhachev 2000 – *Likhachev D.S.* (2000) Appeal to «its antiquity». In: From the history of Russian culture. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, vol. 1, pp. 725–731. Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/obrash_k_svoey_ant.pdf. (In Russ.)

Lomonosov 1959 – *Lomonosov M.V.* (1959) Complete works. Vol. 8. Poetry, oratorical prose, inscriptions of 1732–1764. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1288 p. Available at: <https://djvu.online/file/coMRBK5nz32jG?ysclid=llorqzil2u53550066>. (In Russ.)